

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

Родилась в 1985 году в г. Новгород Великий. Живёт в Омске.

Публиковалась в журналах «Омское наследие», «История», «Свой» (приложение к газете «Культура»), «Историк», «Наше наследие».

В литературно-краеведческом альманахе «ТарЯне» публикуется впервые.

ГОРЯЧАЯ ОСЕНЬ 1634-ГО. БИТВА ЗА ТАРУ*

«Внезапу же погании приидоша даже до стен градских во оруженном одеянии светящися. Граждане ж едва успеха затворити врата, инии же пленени быша и отведени во станы их. Погании ж таковая глаголаху гражданам: «Раззорите град и очистите место: мы хотим кочевати zde, се земля наша есть; аще ли не очистите, утре пришед всячески град сей, яко птицу, руками своими возмем и пуста его положим». Так в старинной «Повести о городах Таре и Тюмени» описываются драматические события, имевшие место 385 лет назад на южной границе России – у стен форпоста, основание которого в конце XVI века было своего рода авантюрой.

Тарская крепость в центре враждебного Сибирского ханства строилась командированным на юг отрядом князя Андрея Елецкого как преграда для степняков Кучума, тревоживших своими набегами русские земли... Строилась очень быстро. А как только строительство было завершено, русский экспедиционный корпус приступил к активным действиям. Служилые люди не стали дожидаться, пока к ним пожалуют степняки, а сами нанесли визит в их земли.

Через три года с Кучумом было покончено. Отряд тарского воеводы Андрея Воейкова совершил беспрецедентный марш-бросок

вслед за отступающим ханом – за 16 дней прошёл 700 вёрст по степям и болотам, переправляясь через множество речек. На реке Ирмень отряды Кучума были разбиты. Впрочем, противостояние русских и степняков на этом не завершилось.

Сыновья и внуки Кучума, разумеется, жаждали реванша. Базировались они на территории современной Новосибирской области – на острове на озере Чаны, широко известном сегодня среди сибирских любителей рыбной ловли. Отряды Кучумовичей периодически появлялись в Прииртышье. Взаимный обмен любезностями происходил с завидной регулярностью. Но осенью 1634 года события приняли более серьёзный оборот. Ведь степнякам было известно *«о граде Таре, яко уже точию един град стоит, а окрестныя уезды до основания разрушены и живущих в нём мало».*

Причём, как повествуется в «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, сентябрьскому появлению калмыков под стенами Тары предшествовала продуманная информационная подготовка – в Тюмень пришёл татарин, который сообщил, что на царевичей Аблая и Давлеткирея напала Казахская орда, и, соответственно, им теперь не до набегов на русские земли. Дезинформация оказалась успешной. Когда 12 сентября калмыки подступили к Таре, их никто не ждал. Степняки разорили и сожгли почти все русские и татарские деревни вокруг города и ушли в степь с добычей. А через месяц явились снова и взяли крепость в осаду. Но воевода, князь Федор Самойлов (две трети тарских воевод были князьями – в Москве этой сибирской крепости уделяли особое внимание), был человеком весьма дальновидным – после сентябрьских событий он запросил военную помощь из Тобольска. И эта помощь подошла как раз вовремя.

Тарская крепость была крепким орешком. Идеально вписанная в ландшафт, она стояла на высоком холме, подступы к которому прикрывали многочисленные речки и

---

* При написании статьи использовались работы Г. Ф. Миллера, М. Н. Сперанского, С. Ф. Тагаурова.

болота. Первое описание Тары, сделанное в 1624 году Василием Тырковым, повествует, что город был обнесён крепостной стеной, состоящей из 116 городней (деревянных срубов, заполненных землей) и пяти башен, одной передвижной восьмигранной башни-раската (башни с раскатом – верхней площадкой, на которой устанавливались пушки) и двух «водяных» ворот, обращённых к Иртышу и Аркарке. Острог защищал высокий тын. Здесь было шесть башен – четыре с проезжими воротами и две глухие.

Передовой форпост был оснащён самым современным вооружением. Пушкари в городе числились с его основания. Согласно грамоте от 10 февраля 1595 года, «на Тару» были отправлены «с Москвы» пушкари, чтобы «держать наряд для похода на Кучюма царя». Воевода Шаховский, принимавший крепость незадолго до описываемых событий, отмечал, что в городе по башням было 10 затинных пищалей (то есть крепостных, предназначенных для стрельбы «из-за тына») со 160 ядрами. Кроме того, на раскатной башне стояла полуторная медная пищаль с 280 железными ядрами. Что же касается Тарского острога, то здесь, на Новой Пятницкой, Чацкой и воротной Борисоглебской башнях, также были установлены пищали скорострельные с 270 ядрами и, кроме того, по всем четырём башням – волконейки. Так на русский манер назывались фальконеты.

В «Повести о Таре и Тюмени» дальнейшие события описываются так: *«Солнцу же уклонившуся на запад, и покрыся земля нощною тмою, погании от града отидоша и шед стаха на речке, глаголемей Ибейке, от града точию за 7 поприщъ, стражей своих поставиша близ града, сами ж в станех своих пребываху без опасения и возношахуся в сердцах своих, се токмо глаголаху: “Утре разрушим град, уже бо имъ несть ниоткуда помощи”».*

Археологические исследования в историческом центре Тары, которые более десяти

лет организует С. Ф. Татауров, позволили выяснить, что в реальности всё было гораздо интересней. Когда была раскопана часть города, примыкающая к крепостной стене, оказалось, что примерно в 1629–1636 годах там был пожар. Среди сгоревших изб археологи нашли пули и наконечники стрел. То есть в сентябре калмыкам удалось поджечь острожную часть города. Укрепления сгорели, но степняки на штурм не пошли – ограничились нагробленным в деревнях. А через месяц, зная, что крепостные стены сильно повреждены, вернулись с большими силами. Снова пострадало мирное население. Потом степняки пошли на штурм со стороны речки Аркарки – там у подножия крепостной стены археологи собрали больше сотни пуль. Гостей не смутил обрыв под 8 метров – с другой стороны город был защищён двойной линией укреплений – острожной стеной с рогатками перед ней и стеной крепости. А с береговой была только одна стена, к тому же повреждённая недавним пожаром. Штурму предшествовал обстрел защитников из луков. Исследователи нашли на небольшом участке острога между Тобольской острожной и Княжей крепостной башнями множество пуль, значит, нападавшим удалось преодолеть первую линию укреплений. Но этим их успехи и ограничились – ни одну из башен калмыкам взять не удалось. Получившие достойный отпор степняки отошли на ручей Ржавец (приток Аркарки), примерно в 700 метрах от крепости.

Защитники крепости тут же перехватили инициативу, устроив вылазку, – у ручья тоже нашли пули. Тогда кочевники отступили дальше, на 10 вёрст, и поставили лагерь в устье реки Ибейки. Но это им не помогло – тарские служилые люди нанесли им неожиданный визит в самое для них неподходящее время – перед рассветом. *«Поганых стражи быша тогда яко глухи и слепи; аще и слышаху что, но мнеша, яко в их станех то есть... Слышаху ж они топот конский, но мнеша, яко из их коней».*

Русские воины *«яко изучении соколы ударишася на многия жаровлиныя стада»*. Внезапное нападение оказалось успешным. Многие калмыки погибли или утонули в реке, прочие *«с срамом поидоша во свояси»*.

Победители освободили русских и татарских пленников, захватили три сотни лошадей. Всё та же «Повесть о городах Таре и Тюмени» свидетельствует, что такие успешные контратаки удавались русским далеко не всегда. На следующий год степняки появились под Тюменью, устроили в городе резню и грабёж, многих захватили в плен. Попытка тюменцев отбить полон завершилась печально.

Но ключевой сибирский форпост защищала воинская элита, аналогичная современным силам спецопераций, причём элита интернациональная. Описывая защиту города, историк Г.Ф. Миллер отмечает храбрость литовского ротмистра Андрея Кропотова, головы конных казаков Назара Жадобского и татарского головы Воина Деметьева. Тара выстояла.

К концу XVII века в степях стало спокойней, ведь здесь появились другие русские поселения, которые в случае появления неприятеля могли самостоятельно организовать оборону или встречный поход. Но это стало возможным благодаря выигранной осенью 1634 года битве за Тару.